

РЕЦЕНЗИИ

Известия ТСХА, выпуск 3, 2010 год

АВГУСТ-48: ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ, УРОКИ ПРОШЛОГО ИЛИ «ТЕНЬ БУДУЩЕГО»? (Размышления над книгой)

Монография под мало что говорящим современному читателю, не испытывающему особого интереса к истории, названием «Август-48»¹, написана двумя известными в своих областях исследователями — генетиком и биотехнологом, акад. РАСХН (иностр. член) В.И. Глазко и украинским историком и философом науки проф. В.Ф. Чешко. Предыдущие работы этого союза философа и естествоиспытателя («Опасное знание в обществе риска» и «High Hume»)² были посвящены гуманитарной экспертизе современных биотехнологий, проблемам биовласти и биополитологии, ими порождаемыми, и были встречены с достаточно большим интересом как со стороны научного сообщества, так и широкой общественности.

Появление новой книги по истории отечественной генетики, а точнее, одного из наиболее трагических, фарсово-гротесковых и иррационально абсурдных событий в истории мировой науки XX века — пресловутой сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г., может показаться совершенно не нужной, представляющей интерес только для немногочисленной группы историков-маргиналов, «переживающих» давно утратившие актуальность после гибели советского

политического режима биографические подробности одного из деятелей сталинской «научной номенклатуры». Все это было, бытьем поросло, перед наукой новые проблемы. «Пусть мертвые погребают своих мертвецов».

Но так ли это? Лауреат Нобелевской премии отстраняется от работы за «политически некорректные» высказывания по чисто научной проблеме. Международный научный журнал по тем же причинам рассылает подписчикам письмо с предложением удалить из уже полученного номера статью известного антропогенетика. Государственный деятель покровительствует и продвигает технологическую разработку, которая научным сообществом оценивается как псевдонаука и мошенничество. Появляется в интернете и публикуется известным издательством (кстати, куда более значительным тиражом, чем рецензируемая монография) книга «кандидата биологических наук», которая сделала бы честь Исаю Презенту. В ней упоминается, что Трофим Лысенко занимает 97-ю строчку в составленном в США мировом рейтинге наиболее влиятельных ученых всех времен и народов (последнее — вполне обоснованно, вот только, какое это влияние?).

¹ Глазко В.И., Чешко В.Ф. Август-48. Уроки прошлого. М.: Изд-во РГАУ - МСХА имени К.А.Тимирязева, 2009. 438 с.

² Глазко В.И., Чешко В.Ф. «Опасное знание» в «обществе риска» (Век генетики и биотехнологии): Монография. Харьков: ИД «Инжэк», 2007. 544 с.

Чешко В.Ф., Глазко В.И. High Hume (Биовласть и биополитика в обществе риска). М.: Изд-во РГАУ — МСХА имени К.А. Тимирязева, 2009. 319 с.

Книга начинается с констатации: «Отечественной генетике в социальном и чисто научном плане повезло и не повезло одновременно. С одной стороны, представители «советской» (т.е. российской, украинской и проч.) генетической научной школы имеют международный признанный приоритет в формировании ведущих в настоящее время научных направлений и областей, имеющих воистину судьбоносное значение для будущего техногенной цивилизации и определяющих лицо современного мира: «зеленой революции» и генных технологий (Н.И. Вавилов), молекулярной генетики и геномной инженерии (Н.К. Кольцов и Н.В. Тимофеев-Ресовский), синтетической теории эволюции (С.С. Четвериков и Ф. Добржанский), социобиологии и эволюционной психологии (В.П. Эфроимсон и С.Н. Давиденков) и т.д. С другой стороны, находясь в периоде стремительного роста и развития, генетика стала в СССР одной из первых «репрессированных наук», ее адепты — расстреляны, репрессированы, лишились возможности заниматься в этой области, покинуть Родину...

Генетика была и первой «реабилитированной наукой», чья трагическая судьба стала достоянием гласности. Но произошло это в условиях, когда публично сказать всю правду о причинах этой трагедии в СССР было невозможно. Когда же такая возможность представилась, новые социальные бури создали впечатление, что все это имеет чисто исторический, локальный интерес, и с падением коммунистического режима полностью потеряло актуальность — как для России, так и всего остального мира».

И действительно, время, чтобы проанализировать не эмоционально-этические и историко-фактографические, но социоисторические и социально-философские аспекты процес-

са политизации и идеологизации современной науки наступило только сейчас. И более того, эта проблема в условиях современного «человекомерного» (выражение, принятое в книге), т.е. гуманизированного естествознания и так называемых High Hume технологий становится весьма актуальной, даже злободневной. Тенденция к подчинению науки интересам отдельным социальным группам и необходимость учета разнообразных социальных и политических последствий научных инноваций, рост государственно-правового, экономического и иных форм контроля исследовательской деятельности являются очевидными атрибутами современной цивилизации, и только нормальное функционирование механизмов социального гомеостаза может предотвратить потенциальные негативные последствия политического вмешательства в эту сферу жизни социума.

Феномен «мичуринской агробиологии» как предмет объективного системного исследования имеет определенные преимущества в сравнении с биополитологическими конфликтами конца прошлого — начала нынешнего веков. Последние еще не исчерпали себя и поэтому вызывают сильную эмоциональную реакцию и исследователя, и общественного мнения. К тому же общие тенденции взаимодействия науки, идеологии и политики в современном гражданском обществе дают «смазанную» картину происходящего. Их мониторинг в этом случае позволит прогнозировать возрастание степени социального риска до опасного предела только тогда, когда она достигнет зоны бифуркации.

Особенностью технологии манипулирования властью стала своеобразная семантическая мимикрия — создание вербально-эмоциональных конструктов, близких по форме мифологемам советского «новояза». Так, знаменитый политический бренд

«Маркс - Энгельс - Ленин - Сталин» трансформировался в «Дарвин - Тимирязев - Мичурин - Лысенко», почти автоматически втянувший в сознание «миллионов советских труженников» Лысенко и его «научную парадигму» в центральное идеологическое ядро советской власти. Кто помнит, что знакомство студентов с основами «мичуринской генетики» представляла собой скрупулезное изложение лысенковской схемы истории биологии, отдельные пункты которой довольно четко соответствуют этапам развития марксизма по представлениям «Краткого курса истории ВКП(б)». Пожалуй, наиболее яркой иллюстрацией этого тезиса служит формулировка параграфа программы курса: «Академик Т.Д. Лысенко - Мичурин нашего времени» (сравните «Сталин — это Ленин сегодня»). Жертвами этой наиболее удачной находки тандема Лысенко-Презент стали Климент Аркадьевич Тимирязев и Иван Мичурин. Авторы аргументировано деконструируют эту мифологию, к сожалению, пережившую своих творцов и проникшую в работы даже таких историков-профессионалов, как В. Сойфер. Критика К.А. Тимирязевым менделизма, в том числе воззрений У. Бэтсона (человека увлекающегося, как и Климент Аркадьевич), носила конструктивный, но излишне эмоциональный, раздраженный характер. Именно Тимирязев очень четко сформулировал идею, ставшую позднее краеугольным камнем концепции, объединившей молекулярную биологию и эволюционную теорию: для введения в эволюционные представления дискретных единиц наследственности необходимы подробные знания их отношений к биохимическим и физиологическим процессам, лежащим в основе формирования каждого отдельного признака. Позднее другой российский биолог А.Г. Гурвич четко обозначил два взаимосвязанных аспекта исследований наследственности: собственно на-

следование, т.е. передача и распределение факторов наследственности от поколения в поколение, являвшегося предметом менделевско-моргановской методологии генетического анализа и «осуществление» наследственности (реализации наследственной информации в современной парадигме молекулярной генетике), т.е. последовательность событий, приводящих к формированию данного фенотипа в определенной среде на основе определенного генотипа.

То же самое можно сказать и о такой сложной и противоречивой личности, как Мичурин (авторы не замалчивают, например, что он в предреволюционные годы возглавлял местную организацию «черной сотни», что не помешало ему же наладить «теплые отношения» с большевистским правительством). Тем не менее, использование имен Тимирязева и Мичурина — действительно крупного ученого и талантливого селекционера-самоучки — стало возможным, так сказать, только в их отсутствие. Симптоматично, что стремительное восхождение «народного академика» к вершинам власти началось в 1935 г., когда скончался последний из канонизированных основателей пролетарской биологической науки — И.В. Мичурин, который к Лысенко относился плохо.

Тремя основными парадоксами истории Трофима Лысенко — его взлета и падения, отмечают авторы, является то, что, во-первых, в своих конкретных проявлениях (в т.ч. печально известных «мичуринской агробиологии и советскому творческому дарвинизму»), привлечших в свое время наибольшее внимание и любопытство и на Западе, и в СССР) она зачастую не только не могла опереться на высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина по философским вопросам естествознания, но иногда и прямо им противоречила. Но в то же время “Нельзя,

однако, избавиться от ощущения, что активная поддержка партийно-государственным аппаратом Т.Д. Лысенко, В.Р. Вильямса и т.п. «лидеров» советской науки проистекала из последовательного применения некоей философской методологической концепции, которую идеологи и представители государственной власти отождествляли с марксизмом-ленинизмом». Во-вторых, руководители страны на протяжении десятилетий выдвигали требование единства теоретического научного знания и практических хозяйственных и социальных нужд, признавая одновременно абсолютную необходимость фундаментальной науки с точки зрения стратегических политических задач строительства социализма и коммунизма. Однако вместо гармоничного развития «чистых» и прикладных исследований произошло в конечном счете нечто противоположное — авторитет теоретической науки, не имеющей очевидного и непосредственного выхода в практическую жизнь, был скомпрометирован; в системе «теоретические исследования — прикладные разработки — технология» появились симптомы антагонизма между отдельными ее элементами. И, в-третьих, согласно официальной доктрине «пролетарская культура» есть закономерный результат развития мировой культуры, ассимилирующий из нее все самое ценное. Но, как мы убедились, советская наука оказалась боковым ответвлением эволюции мировой культуры с очевидным стремлением к самоизоляции и неспособностью к практическому использованию в технологии опыта, основанного на развитии фундаментальной и прикладной науки за рубежом, равно как и выраженной тенденцией к отторжению собственных, наиболее опережающих средний уровень достижений.

Пытаясь найти ответы, авторы предприняли системное социально-

историческое и философское исследование филогенеза «пролетарской науки» в сочетании с анализом параллельной трансформации «экологической среды», в которой он происходил. Иными словами, ее предмет — предпосылки и условия инициации и развертывания деструкции науки и связанных с ней социальных институтов как близкого аналога генетико-экологических катастроф.

Книга В.И. Глазко и В.Ф. Чешко имеет подзаголовок — «Уроки прошлого». В чем же по мысли авторов они заключаются, к каким выводам они подводят читателя?

Вывод первый. При всех осцилляциях в подходах к организации науки в стране три тенденции прослеживались достаточно четко и постоянно:

- непрерывное усиление административного контроля и сужение автономии научно-исследовательской деятельности;

- превращение политических репрессий в достаточно «эффективное» средство «переориентации» научно-исследовательской активности в желательном для власти направлении и интеграции Академии наук, как и других научных и образовательных учреждений, в «советскую систему государственного управления наукой»;

- смещение центра тяжести проводившихся исследований в сторону обобщения передового опыта, полученного непосредственно в производственных условиях лицами, не имеющими профессиональной подготовки.

Опробованные в конце 1920-х годов организационные и технологические схемы применялись и в дальнейшем в случае возникновения конфликтных ситуаций как внутри советского «научного сообщества» (к советской науке этот термин может быть использован только с определенными оговорками, проистекающими из вполне очевидной ограниченности свободы научного творчества и политизации исследова-

тельской деятельности), так и между наукой и государственной властью.

Вывод второй. В результате событий 1917-1929 гг. существование системы организации агрономии, селекции, семеноводства утратило многовекторную опору на дифференцированные общественные структуры (общественные организации, частный капитал, земства и проч.) и определялось теперь исключительно поддержкой, равнодушием или репрессиями государственной власти. При этом формирующийся тоталитарный режим («государство диктатуры пролетариата») и монополизация им материальных ресурсов («военный коммунизм») делали смысл последних двух типов отношения государства (равнодушие или репрессии) практически тождественным. Нахождение «общего языка», расширение зоны перекрывания семантических кодов концептуальных полей административно-политических структур советской власти и школ, группировок научного сообщества становилось проблемой выживания науки и ученых.

Вывод третий. В 1920~30-е годы менделевская генетика сделала, как тогда казалось, решающий шаг к включению своих положений в концептуальное поле официальной («марксистско-ленинской») идеологии.

Социальный статус профессии ученого в стране резко поднялся; ротация состава кадров научной интеллигенции, сопровождавшаяся массовым притоком в нее представителей «трудящихся классов», привела к разительным социально-психологическим трансформациям — в науку приходит первое поколение послереволюционной интеллигенции, испытывающей заметное влияние марксизма; еще более важной была очевидная экономическая эффективность новых методов агрономической генетики и селекции, которые в условиях нэпа смогли выполнить политический заказ

власти — повышения урожайности и продуктивности.

Вывод четвертый. В результате перехода к политике индустриализации и коллективизации усилился прессинг на научно-исследовательскую деятельность — и в социальном, и в персональном аспектах. Ключевым семантическим конструктом, определяющим отношения между властью и наукой, становится «Научное вредительство». Важнейшим фактором, обусловившим эту трансформацию, стало сформировавшееся в предшествующее десятилетие использование учеными политического семантического кода в борьбе с конкурентами и стремление властных структур добиться от исследователей и инженеров «научного» обоснования уже принятым политическим решениям любой ценой. Политические репрессии расширились и углублялись в направлении от гуманитарных дисциплин к сфере естествознания и их первой жертвой и предпосылкой последующих событий (идеологизации генетики и агрономии) стала экономическая наука.

Вывод пятый. Перипетии биографии Трофима Лысенко излагаются в работе в рамках анализа семантики коммуникации административно-политической и научной элиты, эволюция которой и привела к преобразованию системы критериев селекции научных школ, направлений и группировок, получающих государственную и социальную поддержку или, наоборот, подвергаемых репрессиям и прессингу. Исходный пункт здесь — сбой в системе коммуникации между носителями различных семантических кодов — научного и политико-идеологического. Представители мичуринской агробиологии рассматривались партийно-государственной элитой как члены той же самой социальной общности, что и они сами.

Одновременно число функционеров, способных наладить полноцен-

ную коммуникацию с представителями культурно-психологической парадигмы, имеющей свой собственный семантический код общения, резко сократилось.

Неотложные и «судьбоносные» политические проблемы, волнующие правящие круги бывшего СССР (прежде всего, продовольственный кризис), столкнулись с неспособностью научного сообщества (агрономов, генетиков и селекционеров) найти приемлемое решение. Решение, которое укладывалось бы в требуемые сроки и в те рамки, которые не дестабилизировали бы советскую социально-политическую организацию.

В августе 1948 г. произошла, так сказать, научная революция «сверху» (вызванная внешней по отношению к науке силой — прессингом политической власти). Догматическая идеологизация отечественной генетики была таким образом результатом, а не причиной карьеры Трофима Лысенко.

Вывод шестой. Устранив конкурентов из социально-экологической ниши, группа Т. Лысенко утвердила монопольное положение в области теоретической и практической агрономии и селекции. Защитная реакция научного сообщества сводилась к двум процессам:

1. Мимикрия — овладение и использование семантического кода, фразеологии «мичуринцев», при скрытом использовании методов классической генетики и селекции (наиболее распространенный поведенческий модус среди селекционеров-практиков — Б.П. Соколов, А.П. Шехурдин и др.);

2. Миграция — уход в те области, которые не контролировались напрямую Т. Лысенко в идеологическом или административном аспектах (более выражена среди представителей теоретического естествознания). Классическая генетика продолжала развиваться в вузах, АН СССР, как экспериментальные исследования в

области эволюции, экологии и т.п.

В результате для подтверждения своего статуса группировка Трофима Лысенко вынуждена была постоянно расширять сферу дисциплинарного контроля — к теории наследственности и агрономии (1935—1940), были добавлены эволюционная теория, экология, эмбриология и т.д. (1946-1948).

В конечном итоге в 1950-е годы в связи с развитием молекулярной биологии этот конфликт вышел за границы собственно биологии и ядром антилысенковской оппозиции стали представители точного естествознания. Дальнейшее расширение влияния Лысенко стало прямой угрозой для военно-политического потенциала страны. Это стало одним из основных факторов быстрого заката «мичуринской агробиологии и советского творческого дарвинизма».

Вывод седьмой. Предоставим слово авторам: «История Трофима Лысенко была игрой с отрицательной итоговой суммой. Выигравших не было».

- Проиграла наука — и мировая, и отечественная, поскольку советская генетическая научная школа была, наряду с американской и германской, одной из наиболее сильных в мире. Она подарила человечеству несколько теоретических идей, определивших развитие современной геномики, генетической инженерии, биотехнологии, эволюционной теории, социобиологии и т.д. Авторы этих идей были вынуждены эмигрировать, были репрессированы, сменили сферу профессиональных интересов, утратили научный приоритет.

- Проиграл аграрный сектор экономики страны, а следовательно, и военно-экономический потенциал бывшего СССР.

- Проиграли государственная власть и лично И.В. Сталин, сократившие материальную базу своего влияния.

- Проиграла идеология марксизма как основа стабильности советского социального строя.

- Проиграли, наконец, «мичуринцы». Крайне сомнительно, что к концу жизни И. Презент и Т. Лысенко и их наиболее одиозные присные могли считать свою судьбу удачной. Проиграли и те, кто отошел от идей Лысенко, они не смогли реализовать свой научный потенциал в полной мере.

- Проиграли инварианты идей, которые, пусть и радикальным образом вульгаризированные, Т.Д. Лысенко сделал мифологемами — несущими логическими конструктами «мичуринской агробиологии». С точки зрения социальной истории науки, этот факт может оказаться наиболее поразительным и эффектным парадоксом нелинейной взаимообусловленности развития фундаментальной теоретической науки, и его «социального контекста». Современные адепты Лысенко ссылаются на сходство концептуальной схемы соматической гибридизации и гипотез эпигенетического наследования и недарвиновской эволюции с отдельными, хотя и фундаментальными, положениями его учения. Но это подобие носит внешний, так сказать, «фенотипический» характер. Оно объясняется общими корнями — инвариантами логических конструкций, возраст которых восходит еще к сюжетам Ветхого Завета. Непреодолимая грань между ними создана самим механизмом пролиферации этих идей в научное общество. На протяжении всей своей карьеры Т.Д. Лысенко и его приверженцы выводили эти идеи за пределы стандартных процедур научной верификации, а следовательно, за границы семантического поля современной науки. Не будь этого, эмпирические экспериментальные факты и их интерпретация, положенные в основу концепции эпигеномного наследования, например, преодолели бы парадигмальное сопротивление

менделевской генетики и синтетической теории эволюции на несколько десятилетий раньше. Влияние «мичуринской генетики» затормозило их проникновение в научный дискурс до конца XX века.

Вывод восьмой. Итоги процесса беспрецедентного по своим масштабам за последние два столетия вмешательства государства в развитие науки, создания системы государственного политического контроля не только конкретных результатов исследований (как прикладных, так и теоретических), но и их инструментально-методологической основы, стали системным фактором, предопределившим последующую эволюцию систем власть - наука и технология — общество. Анализ документальных источников показывает: лысенковщина — это не продукт изолированного «экзистенциального проекта» отдельного псевдоученого, это социальное явление, пустившее глубокие корни в общественном сознании, продолжающееся еще и сегодня, принося горькие плоды. Период генетических дискуссий стал фатальным для отечественной истории, отсюда ведет свое происхождение узел проблем, продолжающих действовать и сейчас на постсоветском геополитическом пространстве.

Главной внутренней коллизией Советской социально-политической системы и необходимым условием генезиса и развития «мичуринской агробиологии и Советского творческого дарвинизма» был конфликт между установкой на социальный инжиниринг, проективное конструирование жизни общества на научной основе и отведение социальному институту науки чисто прикладных функций обслуживания социальных и политических заказов, т.е. решения конкретных вопросов, возникающих перед государственной властью.

Мощный интеллектуальный потенциал науки России, сформировав-

шийся к 1917 г., отвечал требованиям Советской Власти, рассматривавшей его прежде всего как инструмент укрепления нового политического режима. Но то же самое обстоятельство, с точки зрения власти, сделало этот инструмент «социалистической реконструкции «обоюдоострым оружием, которое должно было тщательно и неуклонно контролироваться политическими и административными средствами. Удивительна параллель с современностью, когда политические и властные структуры на Западе вынуждены брать на себя функции контроля и регулирования развития фундаментальной науки и высоких технологий, социальный риск от использования которых достиг экзистенциального уровня, превратив науку в «опасное знание» (эти явления рассматриваются в предыдущих работах авторов).

Советская система государственного управления наукой была ориентирована на концентрацию максимально возможных финансовых, интеллектуальных ресурсов на ключевых приоритетных направлениях научно-технологического прогресса. Такая система могла функционировать эффективно, что доказывает реализация нескольких крупных проектов 1930–1960-х гг. Однако, с точки зрения власти, это имело уязвимый компонент, которым являлось научное сообщество, чье критическое отношение к новому политическому строю так и не было преодолено полностью. И при этом только добровольное внутреннее согласие ученого есть необходимое условие эффективности любой технологии «извлечения знания из эксперта» (если воспользоваться терминологией современной эвристики). Советское руководство разработало (сознательно или интуитивно) и применяло достаточно эффективную и пластичную технологию принудительного интеллектуально-

го труда и его концентрации на выполнении определенного «социально-политического заказа». Идеологизация науки стала ключевым узлом этой социальной технологии. Таким образом, процесс проникновения в науку венаучных элементов и концептов стимулировался как извне в результате стремления политических группировок обеспечить реализацию собственных интересов, так и изнутри научного сообщества в результате стремления ученых использовать административный ресурс для обеспечения исследовательской работы и высокого социального статуса сторонников и последователей, а затем и как уникальное, высокоэффективное средство влияния на власть со стороны научного сообщества.

Вывод девятый. Решая проблему лояльности, описанная технология породила новое противоречие — между требованием генерировать реальные и эффективные решения практических проблем и жестко ограниченными политическими соображениями пределами поиска таких решений. Контур обратной связи в отношениях власти (государства) и науки становился асимметрическими. В целом, восприимчивость науки по отношению к попыткам придать научным исследованиям и разработкам желательную для политической власти направленность определяется действием нескольких факторов:

1. Несоответствие концептуального и инструментального уровня развития науки сложности политической или экономической задачи (отсутствие технической осуществимости его решения);
2. Сложность предмета исследований, не допускающее регистрацию необходимых параметров;
3. Несоответствие направления развития концептуальной основы научной дисциплины, стимулируемое извне внутренней динамикой ее эволюции.

Вывод десятый. История генетических дискуссий в СССР предоставляет исследователю уникальную возможность анализа экстремального развития общемировых механизмов и тенденций изменения социального статуса науки, обусловивших общий кризис техногенной цивилизации. С начала XX столетия в результате развития генетики и биотехнологии политические аспекты развития естествознания приобретают все большую напряженность, становясь источниками политического антагонизма и служа почвой для гуманитарно-го кризиса.

Совпадение субъекта и объекта научных исследований и технологического манипулирования, ставшее отличительной чертой наиболее динамично развивающихся научных дисциплин и направлений, в либеральной ментальности с неизбежностью влечет за собой последовательность взаимообусловленных следствий:

- концепты открытие и изобретение в этой ситуации рассматриваются как синонимы, поскольку выяснение особенностей субстанциональной природы человека эквивалентно ее целенаправленной трансформации (отсюда патентоспособность вновь описанных фрагментов генетического, когнитивного и социокультурного кодов *Homo sapiens*), а в результате:

- содержание научных теорий перестает быть исключительно предметом внутринаучного дискурса, результаты которого доводятся до сведения обществу (центральный элемент «Проекта Просвещения») и превращаются в тему дискурса публичного, подразумевающего:

- «уравнивание в правах» (паритетность) научного и повседневного («профанного») знания;

- необходимость коадаптации естественнонаучного, гуманитарно-этического и социополитического семантических кодов.

Современное общество перестает воспринимать научно-технологический прогресс однозначно положительно. С ростом мощности современных технологий величина социального риска непредвиденных последствий научно-технологических инноваций возрастает также, но параллельно уменьшается опасность, проистекающая из действия неконтролируемых природных стихий. Однако в настоящее время оба этих фактора риска сопоставимы друг с другом. Как следствие фактом становится качественная трансформация восприятия риска развития науки и технологии, перешедшего рубеж «экзистенциального риска», сопряженного с возможностью гибели или утраты самоидентичности человеком.

Последние публикации авторов «Август-48. Уроки прошлого», «High Hume. Биовласть и биополитика в обществе риска» и «Опасное знание в обществе риска» образуют своеобразную научно-исследовательскую трилогию, посвященную изменению социальных функций науки и технологии в эпоху информационных технологий и общества риска. Знакомление с ними, на наш взгляд, абсолютно необходимо не только для исследователей-профессионалов — биотехнологов, социологов и т.д., но и для практических политиков и бизнесменов, широкой общественности. Между тем, тираж этих изданий разошелся практически мгновенно, как в России, так и Украине. Теперь их можно найти только в Интернете. Было бы целесообразно переиздать эти книги.

*Ректор РГАУ - МСХА имени К.А. Тимирязева,
д.э.н., проф., чл.-корр. РАСХН, заслуженный деятель науки РФ В.М. Баумин*